

ПАМЯТИ ЛИДИИ ВЛАДИМИРОВНЫ КНОРИНОЙ

(20 августа 1944 — 4 июня 1994)

Лидия Владимировна Кнорина пользовалась заслуженной известностью в кругах московского лингвистического общества. Она была автором «Семиотики и информатики». Редакция склоняет голову перед памятью коллеги и публикует пять откликов на ее безвременную кончину, а также список ее научных работ.

* *
*

Смерть эта была оглушающая и неправильная. Оглушающая, поскольку всякая внезапная смерть кажется нереальной, а эта тем более.

Неправильна, поскольку не должны были умирать такой интеллект, талант и острота восприятия мира. Не должны были исчезать такая чистота помыслов и всеохватывающая честность.

Смерть эта тем более нелепа, что основной Лидиной чертой было жизнелюбие. Грустно сознавать, что страшная болезнь сделала то, что иногда делают люди под тяжестью обстоятельств.

Обстоятельства в Лидиной жизни были разные, но ее всепобеждающий оптимизм никогда не мог дать даже малейшего повода усомниться в том, что все будет побеждено.

Лидина радость от общения с друзьями, радость друзей от общения с Лидой — это навсегда останется с нами.

Я знала Лиду более 30 лет, знала многих ее друзей, и это, я думаю, дает мне право выразить всю горечь нашей потери.

А.Лычагина

Лидия Владимировна Кнорина

(20 августа 1944 г., Москва — 4 июня 1994 г., Москва)

Впервые я увидел Л.В.Кнорину осенью 1962 г., когда она поступила на первый курс Филологического факультета Московского университета. Тогда она была Лида Барлас — по отцу, известному литературоведу Владимиру Яковлевичу Барласу (1920 - 1982). Кнориной, по первому мужу, она стала на одном из младших курсов, но для меня еще долго была Барлас.

Лида поступила на знаменитый ОСИПЛ — отделение структурной и прикладной лингвистики, единственное отделение факультета, где преподавалась, причем на протяжении всех пяти курсов и достаточно серьезно, математика. Годы ее учебы пришлись на расцвет ОСИПЛа, впоследствии прерванный неуклюжими действиями тогдашнего университетского начальства. Поступала она и в предыдущем, 1961-м году, но получила двойку по сочинению. В рецензии экзаменаторов отмечено, что ошибок нет, но «не раскрыта тема».

Лидин курс был очень сильным — одним из самых сильных курсов за все время существования ОСИПЛа. Преподавать на нем — а я, в отдельные годы, преподавал этому курсу математику — было интересно.

Даже на фоне этого сильнейшего курса Лида выделялась своими способностями. Не исключено, что она оказалась самой способной, если не сказать талантливой, в своем выпуске. Я пишу «оказалась», потому что творческий потенциал Л.В.Кнориной раскрывался ее окружению сравнительно медленно.

Уже после ее смерти я узнал, что она исполняет песни на собственные слова и мелодию (но без музыкального сопровождения). Мне довелось услышать магнитофонные записи. Предполагаемая публикация текстов этих песен не даст должного представления о самих песнях: дело не в текстах, а в манере исполнения, в интонации, отчасти напоминающей интонацию Новеллы Матвеевой.

Будучи студенткой она сделала ученицей выдающегося лингвиста А.А.Зализняка. Под его руководством защитила в 1978 г. кандидатскую диссертацию «Функционирование слов с неполным набором морфологических показателей в современном русском языке» (оппоненты Ю.С.Маслов и Л.П.Крысин). Впоследствии Л.В.Кнориной опубликовано свыше 40 работ, и еще несколько работ находятся в печати. Впечатляет разнообразие их тематики. Название диссертации соседствует с такими названиями, как «Оценка семантической нагрузки падежа» (1981), «Грамматика и норма в поэтической речи» (1982), «Проблемы автоматического индексирования» (1983), «Генитивные сравнения в поэзии Пастернака» (1983), «Языковое планирование и теория языка» (1990), «Языковая семантика в средневековой еврейской философии» (1991). Отмеченное разнообразие, впрочем, не означает разбросанности: можно проследить глубинные связи, соединяющие между собой большинство работ Кнориной.

Мое непосредственное сотрудничество с Л.В.Кнориной началось в середине восьмидесятых годов, когда мне захотелось опубликовать на русском языке лингвистическую работу восемнадцатилетнего Исаака Ньютона. На английском языке она была опубликована лишь в 1957 году, и о существовании такой публикации я узнал от Вяч. Вс. Иванова.

Нужно было найти эту английскую публикацию, располагая лишь приблизительными библиографическими данными, прочесть ее, понять и грамотно перевес-

ти на русский язык. (Надо сказать, что подавляющее большинство рукописей Ньютона не опубликовано до сего времени, и одна из причин этого в том, что потенциальные публикаторы не в состоянии их понять.) Мне было ясно, что эту ответственную работу, и к тому же с неясным исходом, некому поручить, кроме как Л.В.Кнориной. Я попросил ее заняться этим делом, она включилась в него с энтузиазмом и ответственностью, следствием чего стала публикация в двадцать восьмом выпуске «Семиотики и информатики»: *Исаак Ньютон. Об универсальном языке* (перевод, примечания и послесловие Л.В.Кнориной).

Именно Л.В.Кнорина приоткрыла мне загадочный внутренний мир Ньютона. Все знают, что Ньютон великий физик. Просвещенное меньшинство знает, что Ньютон имел также интересы в области теологии и библеистики. И уж только единицы воспринимают Ньютона как выдающегося теолога и библеиста, занимавшегося также — в целях подтверждения своих теологических и текстологических взглядов — также и вычислением хода небесных тел. Лидия Владимировна просветила меня в отношении истинных мотивов, интересов и занятий Исаака Ньютона: Ньютон, объясняла мне она, пытался расшифровать речь Бога, выраженную как в символах текстов, так и в знаках природы.

Интерес Ньютона к Библии и тому языку, на котором она написана, оказался созвучен собственным интересам Кнориной. В 1992 и 1993 гг. она читала специальный курс библейского иврита на Филологическом факультете МГУ. Для проведения занятий по указанной теме она была зачислена весной 1994 г. на полставки на кафедру истории и теории мировой культуры Философского факультета МГУ. 17 марта она прочла на Философском факультете первую лекцию, а 19 мая приняла зачеты; предполагалось, что курс будет продолжен в 1994 — 1995 гг.

Основным местом работы Л. В. Кнориной с апреля 1991 г. был Отдел языков Института востоковедения РАН, а до того с ноября 1969 по март 1991 г. — Отдел лингвистического обеспечения информационных процессов ВИНТИ.

Тяжелый грипп, постигший Лидию Владимировну в начале февраля 1994 г., наложившийся на крайнее переутомление, привел ее к душевной болезни. В период острой депрессии она покончила с собой 4 июня 1994 г. Скрытно выйдя на рассвете из дома, она взяла с собой удостоверение личности, фотографию дочери и проездной билет, но не взяла ключи.

В.А. Успенский, 9 сентября 1994 г.

О Лиде как о лингвисте

Разбирая ее бумаги, я думал — кто бы мог написать о ней как о лингвисте. И решил, что нужно попробовать самому. Последние 18 лет я читал все ее работы, все варианты. Хотя я — не лингвист и поневоле мои заметки будут неточными и уж, конечно, более чем субъективными. Но чтобы написать подробно и содержательно, надо поработать с ее текстами. На это нужно время. А пока — пунктиром.

Лида ушла из жизни, не дожив до 50 лет. Смерть подводит итоги. В своей формальной карьере она достигла немногого. На основной работе — в Институте востоковедения — она числилась научным сотрудником и в прошедшей тарификации удостоилась 12 разряда. Меньше кандидату наук дать было нельзя. В то же время она безусловно была научным работником в подлинном, т.е. буквальном смысле этого термина — она *работала* в науке, была глубоким и разносторонним лингвистом, настоящим профессионалом, более чем требовательным к себе и своим работам.

Лида закончила в 1967 году ОСИПЛ — отделение структурной и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ. Ей повезло. ОСИПЛ (перейду на мужской род) был тогда, безусловно, лучшей школой для подготовки лингвистов в нашей стране. Его создали энтузиасты «современной лингвистики» еще во времена оттепели. Причем создали не на голом месте, а в стенах старого университета. И этот энтузиазм долго сохранялся как среди преподавателей, так и среди студентов. Математике учили В.А.Успенский, А.Д.Вентцель, Ю.А.Шиханович. Лингвистике — В.А.Звегинцев, П.С.Кузнецов, В.М.Иллич-Свитыч, А.А.Зализняк. Только что закончивший классическое отделение А.Е.Кибрик преподавал латынь. Было у кого учиться. И было — кому. С Лидой на одном курсе учились Анюта Поливанова, Валя Гаврилова, Коля Перцов и много других, по-своему не менее ярких людей.

Лида стала ученицей Андрея Анатольевича Зализняка — посещала все его лекции и семинары, он был научным руководителем ее курсовых и дипломной работ, а потом — и ее кандидатской диссертации. Статьи и книги Зализняка, стиль и метод его работы всегда были для Лиды самыми высокими образцами. И давно уже защитив диссертацию, будучи вполне зрелым лингвистом, она, всегда волнуясь, звонила ему (не часто, раз в год, а то и реже), прося о встрече, чтобы посоветоваться, обсудить ту или иную тему.

Лида опубликовала более 40 работ. Около десятка подготовленных статей еще не опубликовано. Некоторые из них она закончила буквально в последние дни своей жизни. Остались тексты и незавершенных работ — большинство из них интересны и в том виде, в котором они остались. Тематика ее работ чрезвычайно разнообразна. Лингвистические аспекты информационной деятельности. Русская грамматика. Семантика. Стилистика и поэтика. Лингвистические работы Ньютона и ра-

боты по лингвоконструированию в 17 веке. Еврейская лингвистическая традиция. Современный и библейский иврит. Стилистика Еврейской Библии и лингвистические комментарии к ней.

И это разнообразие отнюдь не было порханием по темам. Почти все работы были тесно связаны друг с другом. Я постараюсь хоть в какой-то мере проследить эти связи.

В приводимом списке Лидиных работ они сгруппированы по темам, хотя группировка эта условна: многие работы явно находятся на «пересечении» тем. Но сами по себе темы — реальность и последующий комментарий следует этой группировке.

Лингвистические аспекты информационной деятельности

Больше 20 лет она проработала в информационных учреждениях — с 1967 по 1969 год во Всесоюзном научно-техническом информационном центре и с 1969 по 1991 год в ВИНТИ. Естественно, что часть ее работ связана с информационной деятельностью. Она продолжала работу М.М.Ланглебен по переводу названий химических соединений (1973). И, в частности, отмечала, что даже простой перевод — с одного языка химической номенклатуры на другой — часто невозможен без обращения к семантике (в данном случае — к структурной формуле). Возникший еще в университете интерес к употреблению в русском языке неизменяемых имен (темы курсовой и дипломной работ) нашел применение в прикладных исследованиях (1972а, 1972б). Занимаясь разработкой отраслевых машинных словарей, она отмечала (вместе со своими соавторами в работах 1989а и 1989б) трудности выбора переводного эквивалента. Например, даже в пределах ограниченной тематики, русский термин *датчик* может переводиться как *pickup*, *sensor*, *generator*, *transducer*. Специалист, зная реалии и терминологию, выбирает нужный эквивалент. Задача упрощается, если используются термины-словосочетания (*датчик давления* — *pressure pickup*, *оптический датчик* — *optical sensor* и т.п.), тут перевод как правило однозначен. Для терминов с неоднозначным переводом нелегко представить себе автоматическую систему (например, машинного перевода), правильно выбирающую эквивалент.

Русская грамматика

Основные научные интересы Лиды всегда были в теоретической лингвистике, которой она долго занималась, так сказать, в свободное от основной работы время.

Ее первые работы относились к русской грамматике. Почти все они вошли в ее кандидатскую диссертацию «Функционирование слов с неполным набором морфологических показателей в современном русском языке» (МГУ, 1978, — оппоненты Ю.С.Маслов и Л.П.Крысин).

Первая часть диссертации — это уже упоминавшийся анализ употребления неизменяемых имен (существительных и неизменяемых определителей, главным образом, так называемых неизменяемых прилагательных — работы 1967, 1971в, 1972в, 1977в, 1978а, 1980, 1981б). Стоит отметить несколько вещей. Прежде всего, анализ особенностей грамматической системы русского языка, позволяющих использовать такие имена. Вслед за В.Н.Топоровым, рассматривавшим так называемые

«иероглифические элементы» (символы, иностранные слова и т.п.), предлагалось считать неизвестность семантики слова его особым семантическим свойством — иероглифичностью. Рассматривались конструкции, облегчающие использование неизменяемых имен — прежде всего, конструкции с классификаторами. Нельзя не отметить и более общую вещь — понимание того, что исследование казалось бы чисто грамматических проблем невозможно без привлечения семантики (семантическая нагрузка падежа, функции классификаторов и т.п.).

Вторая часть диссертации посвящена связи между семантическими характеристиками глаголов и их видовым «поведением» (основная публикация — 1976). В каком-то смысле Лида продолжила здесь пионерскую работу Ю.С.Маслова 1948 года. Недаром она просила Юрия Сергеевича быть ее оппонентом. В Лидиной работе утверждается, что видовое поведение глагола определяется значениями двух признаков: обусловленностью / необусловленностью длительности (т.е. осознается ли соответствующее действие как «точечное», либо его длительность неопределенна) и наличием или отсутствием перемены состояния. Два признака дают четыре класса, каждый класс характеризуется четким видовым поведением. Исследование выполнялось на материале так называемых двувидовых глаголов (глаголов на *-овать*, для которых видовое противопоставление не выражено), но его результаты безусловно распространяются на все русские глаголы. На этом примере проявляется одно нетривиальное свойство языковых классификаций, всегда отмечаемое Лидой. Это объективное существование (в нашем языковом сознании) самой классификации и то, что каждый объект (в данном случае глагол) может, вообще говоря, по этой классификации «плавать» — переходить из класса в класс со временем или просто переосмысливаться в том или ином контексте. Эти переходы, конечно, тоже не произвольны — для каждого класса указываются пути возможных «миграций». Лида очень гордилась этой своей работой и очень огорчалась, что она почти совсем не цитируется.

К этой же «грамматической» группе относится и несколько неопубликованных работ. Это заказная статья «Двувидовые глаголы» (1992а) для энциклопедии «Русский язык» (издание, видимо, не выдержало новых климатических условий и потому не вышло в свет), текст доклада на какой-то аспектологической конференции (1988а)¹ и работа по описанию правил русской орфографии (1988б). Остановлюсь на последней. Рукопись в 9 машинописных страниц — побочный результат занятий со школьниками. Лида просто не понимала, почему эти, в общем-то, простые правила так плохо и путано описаны. Делаются общие замечания к структуре существующих правил (неотделение обязательного от факультативного и т.п.) и много конкретных. Примерно год назад был начат новый вариант — «Логическая структура правил русской орфографии и пунктуации» — попытка вытащить такую структуру из существующих правил и в соответствии с ней переформулировать основные типы правил. Текст не был закончен, хотя основные принципы сформулированы.

---

¹ Сборник докладов вышел в свет в конце 1994 г.

Семантика

К семантике она шла как от грамматики (об этом я уже писал), так и от поэтики и стилистики. Читая своего любимого Пастернака, пытаясь постичь структуру его метафор, она поняла, что для этого необходимо описать семантическую структуру «обычного» словосочетания, на которую опирается та или иная метафора. А эта структура определяется семантическими типами слов (а точнее — реалий, описываемых данным словосочетанием).

Типами всегда занимались логики. Представление мира (модель) строится из элементов разных типов — объектов, функций, отношений и т.п. В свою очередь, правильность построения формул определяется типами. В настоящее время типы — одно из основных понятий языков программирования, баз данных и т.п. Конечно, понятие типа в логике и программировании отражает интуитивно ощущаемое представление о типах в естественном языке. Семантические типы — это классификация, сетка понятий, существующая в нашем языковом сознании «над» конкретной лексикой. На лексическом уровне семантическим типам соответствует так называемая *металексика* — такие слова, как *объект, действие, процесс, свойство, признак, ситуация* и т.п. Очевидно, что именно типы «командуют» сочетаемостью в тексте.

Семантические типы описывались так или иначе еще со времен Платона и Аристотеля. В современной лингвистике это понятие было актуализировано Монтегю. По сути дела семантические типы действий (и соответствующих глаголов) описывал Р.Том, создатель теории катастроф (классифицируя топологические «катастрофы», происходящие во время этих действий).

Монтегю и Том шли от формальных схем (каждый от своей), пытаясь с их помощью описывать факты языка. Лиде (как и другим лингвистам) было естественно пытаться выделять типы, анализируя те или иные языковые конструкции. Вначале она занималась русским генитивом (1979, 1985, 1988г, 1988д, 1990а). Материалом были «обычные» тексты, уже упоминавшиеся метафоры. Использованию словарных дефиниций (прежде всего опорных слов) для выделения типов и, наоборот, корректировке дефиниций при разработанной системе типов посвящена работа (1988в). Металексика рассматривается в работах (1991а, 1993а, 1994а).

Стилистика и поэтика

Работы (1989а, 1990б) из этого раздела, так же как и «библейская» работа (1994ж), используют понятие семантического типа при описании метафор. Так, метафоры *дождь вопросов* и *лес рук* опираются на то, что дождь и лес являются *совокупностями* (капель и деревьев, причем *капли падают, сыпятся, а деревья стоят*). Т.е. как раз выделение в образе соответствующего типа и делает метафору правильным словосочетанием. Существенно, что иногда именно метафоры выявляют для нашего языкового сознания типовую соотношенность слова.

Очень интересная работа (1982), посвященная вариативности грамматических форм у Пастернака, была бы, наверное, невозможна без предшествующих грамматических работ. Любопытно, что Лида полемизирует в ней с Ю.М.Лотманом, который описывал «выход» за пределы обычных норм у Пастернака, как «систему нарушений». Лида же подчеркивала органичность использования Пастернаком необыч-

ных форм, то , что самые редкостные из них трудно заметить даже при специальном прочтении.

Лингвоконструирование в 17 веке. Ньютон

Этой темой Лида обязана В.А.Успенскому, который попросил ее перевести для «Семиотики и информатики» работу Ньютона «Об универсальном языке». На перевод 12 страниц текста ушло три года. Надо было понять, почему вдруг восемнадцатилетний Ньютон свою первую работу посвятил конструированию универсального языка. Почему другие выдающиеся люди того времени — Кампанелла, Фрэнсис Бэкон, Декарт, Ян Амос Коменский, первый президент Лондонского Королевского общества Вилкинс и многие другие также занимались лингвоконструированием и именно эти их занятия пародировал Свифт, описывая Академию Прожектеров в Лагадо. И как эти работы связаны с современной лингвистикой. Почему столь популярные тогда занятия семантикой были прерваны после появления грамматики Пор-Рояль и только «современные представления лингвистики универсалий, типологии, когнитивной лингвистики позволяют ... оценить их по достоинству» (1994в).

Опубликовав перевод, Лида не переставала интересоваться этой проблематикой. В прошлом (1993) году она читала в Национальной библиотеке Израиля рукописи Ньютона. А буквально в последние дни жизни закончила две статьи (1994в и 1994г) на эту тему.

Современный и библейский иврит. Библиистика.

Ивритом Лида начала заниматься в 1990 году, за месяц до того, как мы поехали по частному приглашению в Израиль. Вернувшись, продолжала. К этому времени работа в ВИНТИ стала ее тяготить. Слишком много времени уходило на то, что ее мало интересовало. И тут открылась вакансия в отделе языков Института востоковедения. Там надо было заниматься еврейской лингвистической традицией. Комплексовала — менять если не профессию, то сферу деятельности в 46 лет, плохо еще зная иврит, не зная ни арабского, ни арамейского... Решилась. Кстати, занятия «ньютонической» темой несколько облегчили переход.

Больше всего ее интересовала Библия. На том языке, на котором она была написана. И прежде всего, с лингвистической точки зрения. В 1992-93 учебном году она читала курс библейского иврита на ОСИПЛе, осенью 1993 года — в Еврейском университете, а весной 1994 года — на кафедре истории и теории мировой культуры Философского факультета МГУ.

Летом 1993 года на Всемирном конгрессе по иудаике в Иерусалиме она делала доклад о метафоре в Библии (1994ж). Материалом был смихут — конструкция, аналогичная русскому генитиву. Пригодились семантические типы и занятия метафорой. А после конгресса в том же Иерусалиме на конференции преподавателей иврита сделала другой доклад — о преподавании иврита русскоговорящим (1993в, 1994д) — осмысливала свой, не очень простой опыт изучения иврита.

Читая традиционные комментарии к Библии, она вдруг поняла, что они содержат, по сути дела, лингвистический анализ библейского текста. Комментаторы не просто знали этот текст наизусть. Пользуясь термином из современной информати-

ки, можно сказать, что в их головах хранился гипертекст — т.е. текст со всеми параллельными местами, соотношениями, связями. Для них это был текст Божественный. И если в разных местах, скажем, об одном и том же написано по-разному, то это нужно объяснить, понять Божественный замысел и с помощью комментария гармонизировать кажущееся несоответствие. Лингвист может не соглашаться с комментатором, но материал, содержащийся в комментарии, трудно переоценить. Об этом работа (1994е).

Сделала она немало. Особенно за последние годы, когда буквально все время, все силы уходило на работу. А сколько было планов... Остались картотеки, десятки исписанных тетрадей. Компьютер появился в доме в самом конце 1993 года. Она заболела в начале февраля 1994 (но в конце марта снова начала работать). Ее файлы не помещаются на дискету в 1,44 мгб...

О научном наследии Л.В. Кнориной

Большинство теоретических работ Л.В. Кнориной 60-80-х годов посвящено русской грамматике и семантике. На первый взгляд, их тематика вполне традиционна, во многих из них рассматриваются проблемы, давно ставшие классическими в русистике. Однако современная лингвистическая подготовка в сочетании с обширными знаниями и отличной интуицией давала возможность Л.В. подходить к «вечным» проблемам русистики по-новому, находить нестандартные подходы и решения, взглянуть на свой объект с неожиданной стороны, выработать четкие критерии для решения спорных вопросов.

Первые исследования Л.В. касались слов русского языка с неполным (в том числе пустым) набором морфологических показателей: неизменяемым существительным (включая не склоняемые в определенных контекстах — типа [*тылесос*] «*Вихрь*») и двувидовым глаголам. Неизменяемым существительным были посвящены ее первые, еще студенческие работы, одна из которых была опубликована в сокращенном виде — (1967²); позднее данная проблематика отразилась в работах (1972в, 1977в, 1978а, 1980). Глаголам на *-овать*, для которых видовое противопоставление морфологически не выражено или выражено лишь с помощью префиксов, посвящена большая статья (1976). Итогом работы над темой стала кандидатская диссертация.

В работах Л.В. рассмотрено функционирование неизменяемых существительных в различных контекстах, исчислены типы возникающей омонимии, даются рекомендации о том, как избегать такого рода омонимии в научно-технических текстах (последняя проблематика сближала эти теоретические исследования с прикладными работами Л.В.). Вопрос о неизменяемых существительных подводил автора к постановке двух более общих проблем. Одна из них связана с освоением новой, непривычной для носителей языка лексики, изучение свойств недостаточно освоенных языком лексем (Л.В. вслед за В.Н. Топоровым употребляла для их характеристики термин «иероглифичность»). Другая проблема заключается в выявлении общих тенденций развития строя русского языка. В широком распространении неизменяемых существительных, часто обладающих свойством иероглифичности, Л.В. видела подтверждение высказанного В.В. Виноградовым тезиса о движении русского языка от синтетического строя к аналитическо-синтетическому. Особо ею рассмотрены неизменяемые слова, способные выступать лишь в функции определения — типа *беж*. На основе четко заданных критериев Л.В. спорила как с традицией, относящей такие слова к прилагательным, так и с точкой зрения М.В. Панова, выделяющего особую часть речи; в итоге она пришла к выводу о том, что здесь в большинстве случаев мы имеем дело с существительными. Для характеристики глаголов на *-овать* Л.В., обратившись к изучению их семантики, выделила основные смысловые признаки, разные комбинации которых определяют морфологический статус глагола с точки зрения категории вида. В связи с проблемой омонимии она обратилась в диссертации также к проблеме структуры русской падежной сис-

---

² Здесь и далее ссылки делаются на приведенный ниже список работ Л. В. Кнориной.

темы, прежде всего с точки зрения противопоставленности падежей в различных контекстах. Проблемам русских падежей посвящены также публикации (1971в, 1981б).

Изучение контекстов употребления неизменяемых слов, среди которых важное место занимают генитивные конструкции, подвело Л.В. к новой теме, связанной с генитивными отношениями в русском языке. Ряд работ по этой теме появился в 80-е и в начале 90-х гг. Прежде всего отметим статью (1990а), где предлагается оригинальная семантическая классификация этих отношений. Связь семантики конструкций с семантикой главного слова рассмотрена в (1988в). Наряду с обычными, полностью соответствующими норме словоупотреблениями Л.В. изучала и случаи нарушения стандартной сочетаемости, наиболее распространенные в поэтической речи, где они имеют значительную функциональную нагрузку. Нестандартные генитивные конструкции в поэзии Б.Л. Пастернака рассмотрены в (1989д). Также в основном на материале творчества того же поэта, но в более широком теоретическом плане вопрос о нарушениях стандартной сочетаемости в генитивной конструкции изучен в статье (1990б). В статье показывается, как на основе переосмысления генитивных конструкций возникает поэтический образ.

Изучение поэтического языка рассматривалось Л.В. также в плане индивидуального стиля. Статья (1982) также посвящена языку поэзии Б.Л. Пастернака. Рассмотрены встречающиеся в ней разного рода отклонения от языкового стандарта, находящиеся однако в рамках допустимого литературной нормой варьирования. Показано, как в таких отклонениях проявляется индивидуальность поэта. Мало изученной в нашей лингвистике проблеме индивидуального речевого стиля в обычной разговорной речи посвящена статья (1989г). Выявляется, как инвентарь индивидуальных приемов разговорного словоупотребления создает языковой портрет конкретного человека.

Одна из последних прижизненных публикаций Л.В. (1993а) связана с описанием семантики слов с наиболее общим значением типа `действие', `процесс', `свойство', `метод', особенно плохо поддающихся словарному толкованию. На основе изучения контекстов их употребления предлагается оригинальная классификация данного класса лексики.

Казалось бы, к 80-м гг. круг интересов и проблем Л.В. окончательно определился: прикладная лингвистика, русская грамматика и семантика, поэтический язык. Однако постепенно в тематике ее исследований происходит довольно резкий поворот, не означавший, впрочем, разрыва с кругом ранее волновавших ее проблем.

Первой работой такого рода стали перевод и комментарии опубликованного лишь в 1957 г. лингвистического сочинения Исаака Ньютона. Лишь недавно стало известно, что этот гениальный мыслитель занимался проблемами создания единого универсального языка человечества, основанного на рациональных принципах.

Постепенно Л.В. сосредоточилась на двух новых для нее проблемах, каждая из которых была нестандартна для отечественного языкознания. Это исследование лингвистических традиций и изучение иврита. В связи с этим она в 1991 г. прекратила работы по прикладной лингвистике и перешла из ВИНТИ в Институт востоковедения РАН, где не было тогда специалистов по ивриту, а лингвистическими традициями только начинали заниматься.

Одной из первых у нас Л.В. обратилась к истории универсальных грамматик XVII в., которыми, помимо И. Ньютона, занимались и многие другие видные ученые того времени. Кроме упомянутых выше комментариев к переводу работы Ньютона, Л.В. успела опубликовать лишь краткое изложение доклада на конференции по лингвистическим традициям. Незадолго до смерти она закончила большую статью «Природа языка в лингвоконструировании XVII века», где детально рассмотрены основные теоретические идеи и практические наблюдения авторов универсальных грамматик, составивших важный, но позднее почти забытый этап развития европейской лингвистической традиции; рассмотрен вопрос о том, чем эти труды ученых XVII в. могут быть интересны для современного лингвиста. Также написана статья «Ньютон и еврейская традиция», связывавшая между собой две темы, которые волновали Л.В. в последние годы.

Л.В. основательно занималась мало изученной в теоретическом плане еврейской традицией. По этой теме она выступала с докладами на семинарах Института востоковедения РАН, опубликовала тезисы (1991б). Для предполагаемой коллективной работы «Лингвистические традиции в странах Востока» она написала раздел «Лингвистические аспекты еврейской традиции комментирования», где подробно анализируются представления о языке в средневековой еврейской комментаторской литературе.

Интересы Л.В. в области гебраистики далеко не исчерпывались изучением лингвистической традиции. Она занималась различными аспектами как библейского древнееврейского языка, так и современного иврита. Ею написаны две статьи методического характера, где обсуждаются проблемы эффективного преподавания иврита и в связи с этим рассматривается ряд явлений, представляющих трудности для тех, кто изучает язык. На английском языке подготовлена статья, посвященная метафорам в смихутах — особо оформленных генитивных конструкциях в иврите. На новом языковом материале в последней статье рассматриваются проблемы, которыми Л.В. до того занималась на русском материале. Ряд работ Л.В., посвященных ивриту, остался в незаконченном виде. В последние годы жизни она стремилась возродить во многом утраченные в нашей стране традиции научного изучения и преподавания иврита. Она читала курс древнееврейского языка в МГУ, успела подготовить учеников.

Последние годы жизни для Л.В. стали очень активными в научном отношении, но неожиданная и трагическая смерть прервала ее деятельность в самом разгаре. Многие работы Л.В. последних лет пока не изданы, и желательна их скорейшая публикация.

Список научных работ Л. В. Кноринной

Лингвистические аспекты информационной деятельности

(1971а) Передача названий химических соединений при переводе с немецкого языка на русский. — Материалы симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики», М., изд-во МГУ. В соавторстве с Кисляковой О.И.

(1971б) Анализ названий гетероциклических соединений. Вопросы организации и обработки научной информации. М., ВИНТИ.

(1972а) Автоматическая обработка цифровых комплексов. — Семинар стран-членов СЭВ «Автоматическая обработка текстов на естественных языках», Ереван, АрмНИИНТИ.

(1972б) Использование словаря-справочника омонимии флексий при автоматической обработке текста. — Семинар стран-членов СЭВ «Автоматическая обработка текстов на естественных языках», Ереван, АрмНИИНТИ.

(1973) Особенности автоматического перевода в искусственных языках (на примере языков химической номенклатуры). — НТИ, сер.2, N 8.

(1974) Проблемы построения машинного словаря для автоматического индексирования связного текста. — Проблемы развития единой системы научно-технической информации в стране. М., ВИНТИ. (В соавторстве с Пашенко Н.А., Костомаровой Н.Н., Ивановым В.С.).

(1977а) Морфологический анализ при автоматическом индексировании. — Вопросы информационной теории и практики. Вып. 3 (30), М., ВИНТИ.

(1977б) Автоматический словарь в экспериментальной системе автоматического индексирования текста. — Там же. (В соавторстве с Пашенко Н.А., Костомаровой Н.Н., Ивановым В.С.).

(1981а) Словарь запретных слов в диалоговой ИПС. — Интерактивные системы. Доклады и тезисы докладов и сообщений третьей школы семинара. Книга 3. Тбилиси., «Мецниереба».

(1983) Проблемы автоматизации индексирования и реферирования. Итоги науки и техники, сер. Информатика. Вып. 7. М., ВИНТИ. (В соавторстве с Пашенко Н.А., Молчановой Т.В., Чепиго Т.С., Шумилиной А.Л., Яровенко О.И.)

(1985) Методика составления информационно-поисковых тезаурусов в научно-отраслевых отделах ВИНТИ. М., ВИНТИ. (В соавторстве с Пашенко Н.А., Молчановой Т.В.).

(1989а) Отбор лексических единиц для автоматических словарей. — Международный семинар по машинному переводу «ЭВМ и перевод-89». (Тбилиси, 27 ноября — 2 декабря 1989г.). Тезисы докладов. М., ВЦП. (В соавторстве с Никутьцевой И.Г., Яровенко О.И.).

(1989б) Опыт составления отраслевых русско-английских машинных словарей ключевых слов и словосочетаний. Вопросы информационной теории и практики. Вып. 58. М., ВИНТИ. (В соавторстве с Пашенко Н.А., Никутьцевой И.Г., Яровенко О.И.).

(1989в) Тезаурус общенаучной лексики и его использование при индексировании запросов. — Проблемы формирования и представления информационных ресурсов в первой очереди ГАСНТИ. М. (В соавторстве с Пашенко Н.А., Никульцевой И.Г., Яровенко О.И.).

Работы по русской грамматике

(1967) Неизменяемые имена как источник синтаксической двусмысленности. — Третья межвузовская студенческая конференция по проблемам структурной и прикладной лингвистики. М. МГУ.

(1971в) О различных подходах к определению падежа. — Категория падежа в системе и структуре языка. Рига. Латв.ГУ.

(1972в) Особенности употребления и возможности обработки неизменяемых имен. — НТИ, сер. 2, N 6.

(1976) Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на *-овать*). — «Семиотика и информатика», вып. 7, М.

(1977в) О неизменяемых определителях к существительному в русском языке. — Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 93. М.

(1977г) Анализ неизменяемых определителей к существительным — НТИ, сер. 2, N 8.

(1977д) Свойство иероглифичности и его влияние на определение слова. — Тезисы симпозиума «Проблемы значения в современной лингвистике». Тбилиси.

(1978а) Освоение новых слов в связи с тенденцией русского языка к аналитизму — В сб.: «Языковая практика и теория языка», М., МГУ.

(1978б) Функционирование слов с неполным набором морфологических показателей в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — МГУ.

(1980) Свойство иероглифичности и его влияние на употребление слова. — НТИ, сер. 2, N 10.

(1981б) Оценка семантической нагрузки падежа. — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики 1979». М. Наука.

(1988а) К оценке семантической нагрузки видового противопоставления. Русский глагольный вид в прикладных исследованиях. Институт русского языка им. А. С. Пушкина. М.

(1988б) По поводу правил русской орфографии и пунктуации. Рукопись.

(1992а) Двувидовые глаголы. Статья для энциклопедии «Русский язык». Рукопись.

Семантика

(1979) Обобщенные толкования и их использование для формализованной записи текста. — Семантика естественных языков в специализированных системах. Тезисы докладов конференции. Ленинград. ЛГУ.

(1985) Об интерпретации генитивных конструкций. — Тезисы школы-семинара «Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности». М. ВИНТИ.

(1988в) Классификация лексики и словарные дефиниции — В сб.: «Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре», М.

(1988г) К обоснованию семантических категорий. — Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной школы-семинара «Боржоми-88». М., ВИНТИ.

(1988д) Проявление предикатности отпредикатного имени. Деривация в речевой деятельности. Тезисы научно-теоретической конференции. Пермь.

(1990а) Типы реалий и их языковое восприятие. — Вопросы кибернетики. «Язык логики и логика языка». (В соавторстве с В.Б.Боршевым).

(1991а) Восприятие действий и их обобщение в тексте. Действие: Лингвистические и логические модели. Тезисы докладов. М.

(1993а) Металексика и ситуативная классификация действий в тексте. — НТИ, сер. 2, № 3.

(1994а) Металексика: попытка выделения. Тезисы доклада, представленного на конференцию «Лингвистика XX века». Рукопись.

Стилистика и поэтика

(1982) Грамматика и норма в поэтической речи (на материале поэзии Б.Л.Пастернака). — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики 1980», М., Наука.

(1989г) Словоупотребление — компонента индивидуального стиля. — В сб.: «Язык и личность». М., Наука.

(1989д) Генитивные сравнения в поэзии Пастернака — В сб.: «Стилистика и поэтика». М.

(1990б) Нарушения сочетаемости и разновидности тропов в генитивной конструкции. — В сб.: «Противоречивость и аномальность текста». М.

Лингвоконструирование в 17 веке. Ньютон

(1986) Исаак Ньютон. Об универсальном языке (перевод, примечания и послесловие). — Семиотика и информатика, вып. 28, М.

(1990в) Языковое планирование и теория языка. — В сб.: «Интерлингвистические аспекты языковых реформ и проблемы лингвоконструирования». Тарту.

(1994б) Природа слова в универсальном языке Ньютона.—НТИ, сер. 2, № 9.

(1994в) Природа языка в лингвоконструировании 17 века. Рукопись.

(1994г) Ньютон и еврейская традиция. Рукопись.

Современный и библейский иврит. Библистика

(1991б) Языковая семантика в средневековой еврейской философии. — В сб.: «Восток. Прошлое и будущее народов», М.

(1992б) Микра (статья-рецензия на «Mikra: text, translation, interpretation. Philadelphia, 1988») — Мир Библии (в печати)

(1993б) Мера за меру в библейском словоупотреблении — Тезисы доклада на Международном симпозиуме по лингвистической и этно-культурной истории семитских народов (Москва). Рукопись.

(1993в) Грамматические сведения при обучении чтению на иврите. Рукопись.

(1994д) Смихут при обучении ивриту. Рукопись.

(1994е) Лингвистические аспекты еврейской традиции комментирования. Рукопись.

(1994ж) The range of biblical methaphor in smikhut. Рукопись.

Незаконченные работы

Логическая структура правил русской орфографии и пунктуации. 2 стр.

Стиль Еврейской Библии. 25 стр.

Грамматика Еврейской Библии. 20 стр.

Лингвистический комментарий к Еврейской Библии. (Бытие 1 — 4). 20 стр.

Пословный перевод Еврейской Библии с лингвистическим комментарием (Бытие 1, 1 – 14). 13 стр.

* *
*

Лида была моей близкой подругой. Этим летом меня рядом с ней не было. Я ее не хоронила. Осознать полностью, что ее нет — пока не могу. И не могу пока писать воспоминания, что называется, личного характера. Не готова. Писать о Лидиных лингвистических работах, в академическом жанре, тоже не готова: ни одной ее работы (как, впрочем, и ни одной своей) у меня с собой в Америке нет, всё в Москве, — да и другие напишут не хуже; да что там! — гораздо лучше, чем я.

А вот могла бы я написать, мне кажется, нечто среднее: о Лиде как лингвисте в жизни. Дело в том, что хороших и даже очень хороших лингвистов не так уж мало, а вот людей, которые лингвистикой живут и воспринимают мир через призму лингвистики, много меньше. Это свойство хорошо описал Жолковский в своем знаменитом когда-то самиздатском справочнике (не знаю, может, он уже и опубликовал его теперь — чем черт не шутит!) «Who is Who in Mathematical Linguistics».

Но вернемся к Лиде. Лида очень любила Пастернака. Ну что ж, многие любят Пастернака. Но многие ли постоянно берут с собой и даже в транспорте внимательно читают и перечитывают маленький томик, делая на полях карандашом пометки, выделяя интересные употребления редких грамматических форм? Думаю, что нет. Думаю также, что немногие обращали внимание на эти формы, единицы отслеживали это явление, а свела все эти наблюдения воедино, построила концепцию и опубликовала статью — одна Лида.

Многие, и не только лингвисты, осознают и отмечают, что определенным людям свойственны определенные словечки и выражения. Я, скажем, тоже из их числа. Но мне никогда не пришло бы в голову систематизировать своих близких по этому принципу. А Лида всех нас исследовала с точки зрения наших личностных языковых характеристик — и опять же, вот что важно, не «взгляд и нечто», не просто поболтать за чаем, но довела это исследование до статьи, до публикации, — а каждый из нас знает, какой это длинный и тяжелый путь. И вот мне подарен сборник, где напечатана эта статья, и я со сложным чувством обнаруживаю, что я как бы и не я, а некая лингвистка Р., которая отличается от других людей тем, что к месту и не к месту повторяет загадочную формулировку «что бы это ни значило», а цитату из «Евгения Онегина» «Не всякий вас как я поймет» употребляет совершенно не в том смысле, какой имели в виду Пушкин с Онегиным. Ну что ж, могла быть и хуже моя личностная языковая характеристика.

И, конечно же, работая почти всю свою жизнь в информатике, Лида оставалась и тут лингвистом. Это не триоизм. Поясню свою мысль. Это вообще большая тема — лингвисты в информатике. Я считаю, что тут ситуация сходная с тем, как в тяжелые для поэзии времена поэты у нас уходили в переводчики, что сильно подняло качество поэтического перевода. Для поэзии же это была потеря. Как и всякая аналогия, эта аналогия не полная, но что касается Лиды — тут, мне кажется, она работает. От того, что Лида служила в информационном институте, информатика выиграла, а лингвистика потеряла. Но так же, как и с поэтами — одни перестали писать свои стихи и целиком ушли в переводы, а другие переводили, но при этом продолжали писать свое, так и лингвисты — некоторые из работающих в информа-

ционных институтах переквалифицировались в программисты, некоторые «освоили смежные профессии», кое-кто занялся чисто редакторской деятельностью, но многие старались либо в полной мере на работе использовать свою лингвистическую квалификацию, либо на работе делать то и так, как от тебя требовалось, — пусть и очень далекие от лингвистики вещи — но продолжать одновременно в выходные дни и по вечерам свои лингвистические штудии. Каждая по отдельности из этих задач была трудновыполнимой. Лиде удавалось и то, и другое. Но сколько на это уходило сил и нервов! Ведь для того, чтобы выполнять вторую задачу, надо было не терять лингвистической среды, встречаться с коллегами, ходить на семинары — в рабочее время. А информационные институты — и отнюдь не только режимные — относились (относятся и сейчас?) к этому очень ревниво. Я помню, как Лида говорила мне, почти плача, — это было в начале 70-х, когда она еще жила одна с маленькой Валерой, — «Ты представляешь, не отпустили меня на семинар Зализняка! А я уверена, что если б я сказала, что мне необходимо пойти на свидание, пожалели бы одинокую мать и отпустили. А вот на семинар лингвистический, в университет — ни за что!»

Короче говоря, чтобы остаться лингвистом в такой ситуации, надо было преодолеть сильнейшее сопротивление материала. И Лида преодолела. Одна из немногих.

Как на работе, так и вне ее, внушительная часть эпизодов, связанных у меня с Лидой, так или иначе, имеет лингвистическую окраску. Некоторые забавны, иные — поучительны. Кое-что попробую рассказать.

К периоду нашей с Лидой работы в ВИНТИ относится следующее приключение, опять же, лингвистического характера. Лида пришла ко мне в сектор, где, кроме меня, были одни геологи. Разговорились (это был обеденный перерыв!) на лингвистическую тему: кто с кем на «ты», кто на «вы», и почему. Вспомнили песню Окуджавы «Зачем мы перешли на ты?» Привожу строфу, из-за которой разгорелся спор:

Зачем мы перешли на ты?
За это нам и перепало
На грош любви и простоты,
А что-то важное пропало.

Вдруг, к нашему с Лидой удивлению, выяснилось, что все остальные понимают слово «перепало» не так, как мы с ней. Мы понимали так: ну, перешли на «ты» и что получили? Малость какая-то перепала, как крошки со стола; а именно, на грош любви и простоты. А что-то важное пропало. Остальные понимали слово «перепало» как синоним слова «попало» в смысле «ему за это попало, его наказали». Получалось так: перешли на «ты» и были за это наказаны. А именно: что они теперь имеют? На грош любви и простоты. И все. А что-то важное пропало. Чувствуете разницу?

Мы с Лидой такого значения слова «перепало» не знали (мои друзья старшего поколения, сидевшие в лагерях в конце 40-ых годов, говорят, что узнали его только в лагере), готовы были согласиться, что оно существует, но отрицали, что Окуджава мог его иметь в виду. Но наши оппоненты отрицали, что у слова «перепало» вообще может быть значение, которое мы ему придавали! Это нас убило! Но мы не

могли их убедить — не хватало авторитета. Я говорю: «Прямо хоть звони Окуджаве!» Тут Лида говорит: «А что, можно позвонить, у меня записан телефон. Я как-то ездила в Грузию и привезла ему фрукты от его друга, поэта Цыбулевского. А этот Цыбулевский, он и наш друг. И он просил меня завезти их Окуджаве. И я завезла.» — «И видела Окуджаву?» — «Видела.» — «И разговаривала с ним?» — «Да.» Все посмотрели на Лиду с завистью. — «Ну что ж, звони.» Вынимает Лида книжку, берет трубку, набирает несколько цифр — и вдруг кладет трубку. «Нет, — говорит, не могу я, — Что я ему скажу? С Вами говорит Кнорина, которая Вам три года назад фрукты привозила?» Нет, невозможно. И просто так сказать — знаете, мы тут на работе поспорили — звонить, будучи незнакомыми — невозможно. Значит надо что-то придумать, кем-то представиться, что-то на ходу нафантазировать. Но вот тут Лида не шла ни на какие компромиссы. Она органически не могла и не умела говорить неправду. Даже, казалось бы безобидную. На этот счет у нее была целая философия. Вернусь к этому разговору, когда докончу сюжет про Окуджаву. В общем, я тоже, нельзя сказать, чтобы была такая уж лживая, но я считала, что мы с Лидой не должны отступать и обязаны доказать свою правоту. «Давай, говорю, телефон!» Звоню, руки дрожат, и сама не знаю, что буду говорить. И вот шелчок, и знакомый по магнитофонным пленкам голос говорит: «Я слушаю.» — «Булат Шалвович?» — «Да.»

Дальше пошел такой разговор:

— «Здравствуйте, моя фамилия Раскина (чистая правда! — А.Р.). Я работаю в Институте русского языка (но ведь могла бы? — А.Р.). Мы работаем над «Словарем новых слов и значений» (есть такой словарь! — А.Р.) на материале произведений советских писателей. Есть среди них и Ваши произведения. И вот тут у нас с товарищами вышел спор по поводу одного из них. Можно задать Вам вопрос? -

— Да, пожалуйста.

— Вы помните вашу песню «Зачем мы перешли на ты?»

— Д-да, помню.

Тут я должна сказать, что для чистоты эксперимента мы решили не рассказывать ему про разные значения, а спросить, как он расставляет в этой строфе знаки препинания. Если мы с Лидой правы, то после «перепало» никакого знака препинания нет, а если геологи, то какой-то знак препинания должен быть, скорее всего двоеточие. И вот я говорю:

— Вы не могли бы сказать, как у вас в первой фразе расставлены знаки препинания?

И вдруг я чувствую, что он там, на другом конце провода, внутренне заметался. Он говорит:

— Вы знаете, мне нужно черновики для этого смотреть, а они у меня на антресолях. А я, вообще-то, болен.

Тут я прихожу в ужас. Человек болен, а мы ему голову морочим. «Извините, ради бога, — лепечу я. — Я в другой раз позвоню...» Но тут он берет себя в руки и говорит: «Ладно, давайте попробуем!» — (Лида считала, что он потому разволновался, что у него был комплекс: вдруг он, хотя и носитель русского языка, но все-таки чего-то не знает в русском правописании. Версия эта получила некоторое подтверждение: мы прочитали через несколько лет автобиографические рассказы Окуджавы, и там есть примерно такой сюжет, с комплексом лирического героя, учителя в сельской школе, именно по поводу знаков препинания).

«Значит так, — говорит Окуджава, — Зачем мы перешли на «ты», (пауза). Вопросительный знак! За это нам и перепало на грош (Ура! Нет знака препинания! — А.Р.) любви и простоты... Запятая! А что-то важное пропало. Точка!

— Спасибо вам огромное, Булат Шалвович, — тороплюсь я. — Всего вам хорошего! Выздоровливайте!»

— Нет-нет, погодите! А в чем же был спор?

Я объяснила. И вдруг Окуджава говорит: «А вы знаете, ведь можно и так понять.» Я говорю: «Позвольте, Булат Шалвович! То есть как это, «можно и так понять!» Вы-то, автор, сами как понимаете?» Он говорит: «Видите ли, эта песня не всерьез. Она ироническая. А вот в фильме о Чехове «Сюжет для небольшого рассказа» (Или «Цветы запоздалые» — не помню — А.Р.) ее поют у камина как такой жестокий романс, совершенно всерьез, бог весть что получается. Вот это, второе значение слова «перепало» оно такого низкого, что ли, штиля. Так пусть лучше будет снижение стилия, чем таким высоким штилем, как в фильме.»

Вот тебе и раз. Не помню, как попрощалась, повесила трубку. Уф. Все. Стали обсуждать. Я была расстроена, что не получилось такого полного нашего с Лидой торжества. А Лида — нет. Она сказала, что Зализняк, когда учил их санскриту, и они читали «Махабхарату» в подлиннике, рассказывал им, что древнеиндийские поэты и мудрецы считали, что чем больше значений можно придать поэтической строке, тем больше заслуги поэту. И у них на курсе был такой спорт: найти как можно больше значений каждой фразы из «Махабхараты». И раз Окуджава хочет, чтоб его строку можно было понять и так, и эдак, значит, он и есть истинный поэт.

Недавно я рассказала эту историю своей дочке Анюте, которая очень любила Лиду и ценила песни, которые Лида сама сочиняла. И Анюта вспомнила, как Лида с удивлением рассказывала, что все воспринимают ее песню:

Что вы сидите трусливо и слепо,
Зная, что здесь оставаться нелепо,

однозначно, как песню об эмиграции. А песня-то, на самом деле, про любовь, и написана до всяких отъездов.

Да, так я обещала рассказать про Лидину философию в отношении к вранью. Она заимствовала ее у своего отца, глубокого и интересного мыслителя, критика Владимира Яковлевича Барласа. Владимир Яковлевич, в частности, говорил: «Нельзя врать своим, врать из корысти и врать по мелочам.» Его друг, критик Лесневский, написал ему на день рожденья шуточный монолог как бы от его (В.Я.) лица под названием «Барласолог». там были такие строчки: «И вот я вру только по-крупному, только чужим, и совершенно бескорыстно». Лиду это все очень веселило, но, без самой крайней нужды она неправды не говорила никогда и, поскольку в нашей жизни, не знаю, как сейчас, а тогда невозможно было иной раз сказать правду, она всякий раз это очень тяжело переживала.

В 90 году Лида и Володя ездили в Израиль. Не помню, когда она начала учить иврит — до этого или сразу после. Вернулась Лида под очень большим впечатлением от огромной и древней культуры, которая ведь, — наши корни, а мы ее не знаем. Отмахиваемся, не вникаем. И вот она стала в нее погружаться. Изучила иврит, читала Библию в подлиннике. Ну, предположим, таких людей немало. Но углубиться именно в лингвистические особенности текста, находить там то, чего никто до тебя

не замечал, смотреть на эти тексты с точки зрения, с какой никто до тебя не смотрел — таких единицы. А чтобы под пятьдесят лет вдруг взять, круто изменить жизнь и сделать это своей профессией — это уже только одна Лида, наверно.

А.А.Раскина